

Теорія культурно-историческихъ типовъ.

(Н. Я. Данилевскій: „Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ романо-германскому“. Изданіе четвертое. Спб., 1889 г.).

Одинъ изъ поклонниковъ книги Данилевскаго *Россія и Европа*, заботливости котораго она обязана третьимъ и четвертымъ своими изданіями, именно Н. Н. Страховъ, называетъ ее «цѣлымъ катихизисомъ или кодексомъ славянофильства», ибо въ ней, — говоритъ онъ, — послѣднее представлено «въ формѣ строгой, ясной, опредѣленной, въ такой точной и связной формѣ, въ какой едва ли существуетъ у насъ какое-нибудь другое ученіе» (*Предисловіе*, стр. XXIII и XXIV). Не съ этой стороны предполагаемъ мы разобрать на слѣдующихъ страницахъ книгу Данилевскаго: есть у нея и другая сторона, которая можетъ заинтересовать людей, и не нуждающихся въ сведеніи основъ славянофильскаго ученія въ катихизисъ или кодексъ. Книга Данилевскаго, — говоритъ почтенный издатель, — содержитъ въ себѣ новый взглядъ на всю исторію человѣчества, новую теорію *Всеобщей исторіи*. Это, — продолжаетъ онъ, — не публицистическое сочиненіе, котораго вся занимательность заимствуется изъ извѣстныхъ практическихъ интересовъ: это — сочиненіе строго-научное, имѣющее добыть истину относительно основныхъ началъ, на которыхъ должна строиться наука *исторіи* (стр. XXVI). По мнѣнію г. Страхова, «переворотъ, который *Россія и Европа* стремится внести въ науку исторіи, подобенъ внесенію естественной системы въ науки, гдѣ господствовала система искусственная» (стр. XXVII). Въ новому изданію книги Данилевскаго приложена большая статья (изъ *Рус. Вѣстн.* за 1888 г.) проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, который также очень высоко ставитъ чисто-научную сторону сочиненія. Наприм., по его словамъ, это — «замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ книгъ послѣдняго времени, а, можетъ быть, даже и не одного послѣдняго... Каждое перечисленіе ея открываетъ въ ней новыя стороны... Самое существенное достоинство книги — установленіе теоріи культурно-историческихъ типовъ... Едва ли можно доказать, что прогрессъ совершался не тѣмъ путемъ, который указалъ Данилевскій... Высшая заслуга его книги — внесеніе въ исторію естественной системы, а естественная система только одна, по-

тому что двухъ системъ быть не можетъ» (стр. 608—610). Вотъ эту-то научную сторону сочиненія Данилевскаго мы и подвергнемъ критикѣ.

Научные элементы *Россіи и Европы* довольно легко отдѣлить отъ публицистическихъ: они, такъ сказать, начинаютъ вылетаться въ публицистическую тему въ главѣ III и особенно съ IV, гдѣ опредѣляется, что такое система науки, чтобы составить все содержаніе главъ V и VI; къ числу главъ съ научнымъ преимущественно содержаніемъ нужно отнести и X; кромѣ того, и въ другихъ главахъ есть отдѣльные мѣста, подлежащіе научной критикѣ. На главныхъ изъ обозначенныхъ отдѣлахъ *Россіи и Европы* мы и сосредоточимъ свое вниманіе.

I.

Отрицаніе Данилевскимъ общей теоріи общества.

Начнемъ съ самаго, на нашъ взглядъ, капитальнаго пункта въ историко-философскомъ ученіи Данилевскаго: онъ утверждаетъ, что общая теорія общества невозможна.

Въ концѣ шестой главы (стр. 167 и слѣд.) авторъ *Россіи и Европы* даетъ свою классификацію наукъ, заявляя самымъ категорическимъ образомъ, что «прибѣгаетъ» къ ней «для доказательства высшей степени національности нѣкоторыхъ наукъ» и что при этомъ остановится лишь на нужномъ для указанной частной цѣли. Классификація наукъ—предметъ весьма интересный и важный: онъ заслуживалъ бы того, чтобы имъ заняться самимъ по себѣ, а не ради доказательства какого-либо тезиса. Въ публицистической книгѣ, назначенной для превознесенія «Россіи» надъ «Европой», обращаться къ классификаціи наукъ, чтобы доказать націоналистическій же тезисъ, значитъ прямо подрывать довѣріе къ научнымъ основамъ этой классификаціи: невольно начинаешь думать, что послѣдняя подгоняется искусственно къ тому, что «требуется доказать». Этому важному предмету авторъ отводитъ всего четыре страницы. Вотъ суть его аргументаціи. Теоретическими науками могутъ быть названы тѣ, которыя «имѣютъ своимъ предметомъ общія міровыя сущности, безотносительно къ тѣмъ специальнымъ формамъ, въ какія онѣ облечены». Такихъ міровыхъ сущностей Данилевскій признаетъ три: матерію, движеніе и духъ, и соответственно имъ три теоретическія науки: химію, физику и психологію. Матерію и духъ можно назвать сущностями, но странно подъ ту же категорію подводить движеніе, которое въ физикѣ разсматривается какъ свойство матеріи. Самъ Данилевскій говоритъ далѣе, что «всѣ остальные науки имѣютъ своимъ предметомъ лишь видоизмѣненія матеріальныхъ и духовныхъ силъ и законовъ», забывая, что слѣдовало бы рядомъ съ матеріальными и духовными силами и законами по его классификаціи поставить еще силы и законы признаваемой имъ третьей сущности, т.-е. движенія. Упомянутыя видоизмѣненія происходятъ «подъ вліяніемъ морфологическаго принципа, о которомъ,—говоритъ Данилевскій,—мы замѣтимъ только, что онъ не происходитъ изъ

свойствъ матеріи и ея движенія», а «есть идеальное въ природѣ». «Развивать мысль эту здѣсь не у мѣста»,—прибавляетъ онъ. Очень жаль, можемъ мы только сказать, потому что весьма любопытно было бы знать, какимъ образомъ можно представить себѣ общество, какъ «осуществленіе» матеріи, движенія и духа или хотя бы одного духа «подъ вліяніемъ морфологическаго принципа». Авторъ ограничивается лишь указаніемъ на то, что только химія, физика и психологія могутъ вырабатывать общія теоріи, а остальные науки могутъ отыскивать лишь частные законы, простирающіеся на болѣе или менѣе обширныя группы предметовъ или существъ. Различія между «общими теоріями» и «частными законами» у автора, однако, не проведено: вѣдь, и законы химіи, физики и психологіи, взятые каждый въ отдѣльности, простираются только на болѣе или менѣе обширныя группы предметовъ, и что можно сказать о падающихъ тѣлахъ, то оказывается совершенно неприменимымъ къ преломляющемуся свѣтовому лучу. Физиологія, анатомія, науки филологическія, историческія и общественныя,—говоритъ далѣе Данилевскій,—не могутъ быть науками теоретическими, а могутъ быть лишь науками сравнительными. Опять неясно: странно противупологать теоріи сравненіе,—это понятія несоизмѣримыя, и, кромѣ того, сравненіе есть одинъ изъ приѣмовъ («сравнительный методъ»), которымъ пользуются нѣкоторыя науки именно для теоретическихъ цѣлей. Между прочимъ, вѣдь, и въ психологіи играетъ роль «сравнительный методъ». Самое главное, впрочемъ, впереди. «Общественныя явленія,—говоритъ Данилевскій,—не подлежатъ никакимъ особаго рода силамъ, слѣдовательно, и не управляются никакими особыми законами, кромѣ общихъ духовныхъ законовъ. Эти законы дѣйствуютъ особымъ образомъ подъ вліяніемъ морфологическаго начала образованія обществъ; но такъ какъ эти начала для разныхъ обществъ различны, то и возможно только — не теоретическое, а лишь сравнительное обществословіе и части его: политика, политическая экономія» и т. д. Первая половина приведенныхъ словъ какъ будто является введеніемъ къ разсужденію о тождественности соціологическихъ законовъ, которые суть лишь общіе духовные законы, дѣйствующіе особымъ образомъ подъ вліяніемъ «морфологическаго начала», но вдругъ авторъ сворачиваетъ въ сторону, заявляя, что это начало у одного общества одно, у другого другое: откуда берется оно вообще и отъ чего оно столь разнообразно, Данилевскій не считаетъ нужнымъ объяснять. Очевидно, въ его умѣ смѣшиваются представленія теоретической соціологіи (обществословія, по его терминологіи) и практической политики, т. е. категорія существующаго и желательнаго: иначе онъ не сталъ бы доказывать своего тезиса ссылкой на доктринеровъ, рекомендующихъ всѣмъ государствамъ англійскую конституцію, какъ нѣчто желательное. Одно дѣло—узнать, что такое государство вообще, другое дѣло—признать ту или другую форму государства за наилучшую: изъ того, что нѣтъ общей теоріи устройства по одному шаблону всякаго политическаго общества, еще не слѣдуетъ, чтобы не было нѣкоторыхъ общихъ началъ, лежащихъ въ основѣ всякаго общества. Въ

самомъ дѣлѣ, иначе нельзя было бы давать общихъ опредѣленій такимъ понятіямъ, какъ государство, власть, право, законъ, судъ, рента, капиталъ и т. п., т.-е. пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ употребленія этихъ понятій въ наукѣ. Но идемъ далѣе. Признавая, что всѣ «явленія общественнаго міра суть явленія національныя», Данилевскій находитъ, что «они «какъ таковыя только и могутъ быть изучаемы и разсматриваемы». Национальность этихъ явленій онъ выводитъ изъ того, что у нихъ нѣтъ теоретической основы (сказано такъ: «за неимѣніемъ теоретической основы... всѣ явленія общественнаго міра» и пр.). Оставляя въ сторонѣ неловкость выраженія, позволяющаго думать, что Данилевскій способенъ приписывать реальнымъ явленіямъ теоретическія, т.-е. возникшія въ умѣ челоуѣка основы, и допускающаго вопросъ, какъ назвалъ бы авторъ основы социальныхъ явленій въ противоположность къ теоретическимъ основамъ, мы имѣемъ полное право спросить, почему же отсутствіе какихъ-то «самобытныхъ, не производныхъ силъ и законовъ» у общественныхъ явленій дѣлаетъ ихъ непремѣнно національными? Притомъ, что это значить? Значить ли это, что, напр., экономическій законъ спроса и предложенія вообще не существуетъ, такъ какъ его можно назвать скорѣе интернациональнымъ? Или это значить, что такой законъ, какъ не національный и, притомъ, имѣющій теоретическую основу, нужно выкинуть изъ числа социологическихъ законовъ вообще? Но допустимъ, что все въ этой аргументаціи Данилевскаго обстоитъ благополучно: далѣе является новое затрудненіе. Пусть всѣ общественные феномены національны, но почему же ихъ изучать и разсматривать только и можно какъ таковыя, т.-е., полагаемъ, какъ однѣ на другія непохожія, своеобразныя? Вѣдь, тогда позволительно было бы и такъ рассуждать: всѣ духовныя явленія индивидуальны, а потому какъ таковыя только и могутъ быть изучаемы и разсматриваемы, т.-е. общая теорія духовныхъ явленій невозможна. Въ сущности, вѣдь, такъ и аргументируетъ Данилевскій. Общественныя явленія, — дѣлаетъ онъ затѣмъ такую уступку, — конечно, могутъ и должны быть сравниваемы между собою (это уже нѣчто иное!), и изъ такого сравненія могутъ проистекать правила для болѣе или менѣе обширной группы челоуѣческихъ обществъ; но, — продолжаетъ онъ, — никогда политическое или экономическое явленіе, замѣчаемое у одного народа и тамъ умѣстное и благотѣльное, не можетъ считаться уже по одному этому умѣстнымъ и благотѣльнымъ у другаго. Отрекшись отъ только что провозглашеннаго принципа изученія общественныхъ явленій только какъ національныхъ въ пользу разсмотрѣнія ихъ на нѣкоторой нейтральной почвѣ, Данилевскій допускаетъ такіе выводы изъ подобнаго разсмотрѣнія, что они получаютъ у него (конечно, потенціально) примѣненіе по отношенію къ цѣлымъ группамъ челоуѣческихъ обществъ: почему же, спросимъ мы, немислимы выводы, которые распространились бы на всѣ челоуѣческія общества? Замѣчательно далѣе, что эти выводы онъ назвалъ «правилами». Дѣло въ томъ, что общее «обществословіе» ищетъ законы, управляющіе социальными явленіями, а

не правила, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ: Данилевскій снова смѣшалъ теоретическую и практическую (чистую и прикладную) науки. Съ другой стороны, изъ того, что умѣстное у одного народа можетъ быть неумѣстнымъ у другого, вовсе не вытекаетъ, чтобы «общественныя науки были народны по самому своему объекту». Объектъ общественныхъ наукъ вездѣ одинъ и тотъ же, и этому нисколько не мѣшаетъ, что практически умѣстное у одного народа неумѣстно у другого. Наконецъ, такимъ аргументомъ можно какую угодно науку провозгласить неимѣющею общей теоріи: умѣстное при обработкѣ одного матеріала неумѣстно при обработкѣ другого и въ области химической, и въ области физической, и въ области духовной. Самъ Данилевскій даетъ намъ такой примѣръ: «никто никогда не утверждалъ, что правила нѣмецкой грамматики обязательны и для русскаго языка». Конечно, никто этого не утверждалъ, но именно потому, что никто не видѣлъ въ правилахъ нѣмецкой грамматики общихъ законовъ языка, но изъ того, что нельзя навязывать правила нѣмецкой грамматики грамматикѣ русской, никто не дѣлалъ того вывода, будто невозможно общее языкознаніе.

Цѣлью нашего разбора не было доказывать возможности общей теоріи общества: мы хотѣли только представить, на какихъ шаткихъ и непродуманныхъ положеніяхъ основанъ тезисъ Данилевскаго. Авторъ *Россіи и Европы*, притомъ, самъ себѣ противорѣчитъ: у него самого, несомнѣнно, была своя собственная теорія общества, была своя теорія одного изъ главнѣйшихъ общественныхъ явленій — исторіи. Недаромъ ему въ особую услугу и ставится его «теорія исторіи». Откуда бы у него могла явиться мысль искать «законы историческаго развитія» и та увѣренность, съ какою онъ ихъ формулировалъ, если бы онъ въ глубинѣ души не допускалъ того, что сознательно было имъ отвергнуто ради доказательства положенія, имѣющаго мало общаго съ стремленіемъ къ научной истинѣ? Невозможность общей теоріи общества, якобы основанная на классификаціи наукъ, нужна была Данилевскому для того, чтобы обосновать научнымъ образомъ свое право въ извѣстныхъ случаяхъ быть ненаучнымъ.

Гораздо откровеннѣе заявляетъ авторъ *Россіи и Европы*, въ чемъ заключается суть его стремленій, самъ, притомъ, подчеркивая относящіяся сюда слова: «для всякаго славянина... идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага» (стр. 133). Слова эти вполне умѣстны въ книгѣ, имѣющей значеніе «катихизиса славянофильства»; но изъ того, что по этому катихизису «идея славянства должна быть выше науки», уже видно, насколько можно ожидать «строгой научности» (аттестация г. Страхова книгѣ Данилевскаго) отъ *Россіи и Европы*.

Оказалось нужнымъ во имя «идеи славянства» отвергнуть самую возможность общей теоріи общества, и она была отвергнута, что не мѣшало, однако, автору книги формулировать отдѣльныя теоретическія положенія социологическаго характера, которыя тоже пошли на службу идеѣ славянства.

II.

Защита Данилевскимъ націонализма въ наукѣ.

Отрицаніе самой возможности общей теоріи общества нужно было Данилевскому, какъ мы видѣли, чтобы доказать существенно-національный характеръ общественныхъ наукъ.

О національности науки Данилевскій говоритъ во второй половинѣ (стр. 163—171) главы VI, трактующей вообще «объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому». Въ предъидущемъ, собственно говоря, мы разобрали самый конецъ этой главы, то мѣсто, гдѣ доказывается, что самъ объектъ общественныхъ наукъ существенно націоналенъ. Мы не будемъ здѣсь столь же подробно останавливаться на только что указанныхъ страницахъ, берущихъ вопросъ шире, нежели можно было бы думать по разобранному нами окончанію главы: Данилевскій весьма интересно и въ общемъ очень вѣрно рассуждаетъ здѣсь о томъ, какъ въ науку вносятся «субъективная примѣсь и необходимая односторонность, зависящая отъ особенностей въ психическомъ строѣ разныхъ народностей», какъ «національный характеръ придается наукѣ еще тѣмъ предпочтеніемъ, тою предилекціей, которыя каждый народъ оказываетъ нѣкоторымъ отраслямъ знанія», что, по мнѣнію автора, зависитъ «отъ извѣстной соотвѣтственности, существующей между разными категоріями, на которыя раздѣляется предметъ научнаго изслѣдованія, и между склонностями, а, слѣдовательно, и способностями разныхъ народовъ» и т. д. Историческіе примѣры, которыми онъ иллюстрируетъ свои соображенія, подобраны весьма удачно, и вообще тридцать страницъ, посвященныхъ этому предмету, читаются съ удовольствіемъ. Въ сравненіи съ ними четыре послѣднія страницы главы, на коихъ мы остановились нѣсколько долѣе, производятъ положительно жалкое впечатлѣніе. Между тѣмъ, на нихъ-то Данилевскій говоритъ о наиболее существенной сторонѣ вопроса, доказывая національность общественныхъ наукъ «не только въ субъективномъ смыслѣ, какъ самъ онъ выражается, но и въ объективномъ». Тамъ, гдѣ рѣчь шла о субъективной примѣси, зависящей отъ національности ученаго, нашъ авторъ былъ весьма ясенъ: онъ уподобляетъ истину благородному металлу, который мы можемъ извлекать не иначе, какъ обративъ его сначала въ сплавъ съ металлами неблагородными, съ чѣмъ, однако, приходится мириться, и прибавляетъ, что съ «теченіемъ времени, при разновидности различныхъ національныхъ направленій (и главнѣйше подъ условіемъ этой разновидности), эти примѣси выдѣляются, элиминируются—и остается чистый благородный металлъ истины». Ничего подобнаго не предвидится со стороны Данилевскаго по отношенію къ національнымъ объектамъ общественныхъ наукъ: тутъ уже элиминировать нечего, когда само изучаемое національно. Самъ онъ строго различаетъ привносимое въ науку извнѣ отъ объекта науки и, распространившись относительно перваго, оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи, что же слѣдуетъ извлекать изъ его тезиса о существенно національномъ характерѣ обществен-

ныхъ наукъ? Въ извѣстномъ смыслѣ національными предметами науки могутъ быть и не общественныя явленія: возможно, наприм., заниматься отечественною геологіей, географіей, фауной, флорой и т. д., или чужеземною, какъ занимаются или отечественною, или иностранною исторіей. Конечно, не это имѣлъ въ виду Данилевскій, а нѣчто другое. Это нѣчто другое нужно поискать, разъ авторъ самъ намъ его не показываетъ.

«Плоды науки,—говоритъ Данилевскій въ одномъ мѣстѣ разсматриваемой главы (стр. 166),—суть достояніе всего человѣчества, въ большей мѣрѣ, чѣмъ прочія стороны цивилизаци, которыя въ такой полнотѣ не могутъ передаваться отъ народа къ народу, особливо же отъ одного культурно-историческаго типа къ другому, но самое произраженіе этихъ плодовъ, т.-е. обработка и развитіе наукъ, носить на себѣ не менѣе національный характеръ, чѣмъ искусство, народная и государственная жизнь». Мы ставимъ вопросъ: къ чему скорѣе всего авторъ *Россіи и Европы* отнесъ бы данныя общественныхъ наукъ—къ плодамъ ли науки, составляющимъ общее достояніе, причѣмъ національныя примѣсы элиминируются, или же къ той категоріи предметовъ, которые не могутъ, по теоріи Данилевскаго, передаваться однимъ народомъ другому? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этотъ вопросъ Данилевскій отвѣтилъ бы во второмъ смыслѣ. Во-первыхъ, общей теоріи общественныхъ явленій нѣтъ, и авторъ прямо нападаетъ, наприм., на политическую экономію, «думающую,—какъ онъ выражается,—что всякое господствующее въ ней ученіе есть общее для всѣхъ царствъ и народовъ». Во-вторыхъ, по собственнымъ словамъ Данилевскаго, «наиболѣе національный характеръ имѣютъ (или, по крайней мѣрѣ, должны бы имѣть для успѣшности своего развитія) науки общественныя», а то, что наиболѣе національно, и не подлежитъ передачѣ. Можно прибавить: не подлежитъ и заимствованію. Мы думаемъ, что выводъ отсюда одинъ только и можетъ быть, который и сдѣланъ авторомъ *Россіи и Европы* не въ формѣ какого-либо отвлеченнаго тезиса, а именно въ видѣ цѣлой его книги. Данилевскій мечталъ о самобытной русской наукѣ, о русской теоріи всеобщей исторіи, и его патріотическое увлеченіе подсказало ему требованіе отъ общественныхъ наукъ наиболѣе національнаго характера. Такимъ образомъ, по его представленію, общей теоріи социальныхъ явленій не можетъ быть не только въ смыслѣ общепримѣнимости, но и въ смыслѣ общепризнаваемости: общественныя явленія, представляемыя жизнью разныхъ народовъ, не подвоятся подъ общіе принципы, а съ другой стороны социальные науки у разныхъ народовъ необходимо должны имѣть разные принципы. Такой выводъ какъ нельзя болѣе естественъ, разъ авторъ смѣшиваетъ задачи чистой и прикладной науки: условія жизни и историческія традиціи отдѣльныхъ народовъ неодинаковы, у каждаго существуютъ свои особыя задачи, интересы ихъ равнымъ образомъ не одни и тѣ же, и стоитъ только внести въ науку въ качествѣ принциповъ все это, т.-е. условія существованія и преданія исторіи, современные интересы и задачи будущаго, какіе только мы находимъ у того или другаго народа, чтобы на са-

момъ дѣлѣ получить науку съ характеромъ не менѣ національнымъ, чѣмъ тотъ, какимъ отличается народная и государственная жизнь. Но такая національная наука будетъ только обобщать факты національной жизни, т.-е. не будетъ общепримѣнимой, а, съ другой стороны, и признавать ее станутъ только тамъ, гдѣ она возникла, какъ возведеніе окружающей дѣйствительности на степень отвлеченной идеи. Если было бы такъ, то сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ пониманіе учеными однихъ странъ общественныхъ теорій, создаваемыхъ учеными другихъ странъ: общественныя науки двухъ народовъ были бы столь же различны, какъ ихъ языки. Въ другихъ наукахъ, именно, главнымъ образомъ, въ естествознаніи, Данилевскій признаетъ возможность общей истины, постепенно очищаемой отъ національных примѣсей, безъ которыхъ, по его представленію, науки разрабатываться не могутъ, но здѣсь уже дѣло не въ примѣсяхъ, а въ самомъ существѣ, строго національномъ: элиминировать приходится не его (что бы тогда осталось отъ науки?), а именно все чужое, все выросшее не на родной почвѣ, а потому, конечно, мѣшающее наукѣ сохранять «наиболѣе національный характеръ». Но будетъ ли такая наука наукой въ истинномъ значеніи этого слова? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ самъ читатель.

Мы не станемъ излагать здѣсь собственныхъ своихъ взглядовъ на этотъ предметъ: тотъ, кого они заинтересовали бы, можетъ обратиться къ статьѣ нашей *Мечта и правда о русской наукѣ*, помѣщенной въ XII книгѣ *Русской Мысли* за 1884 г., или къ нашей брошюрѣ *Лекція о духѣ русской науки*, напечатанной въ Варшавѣ въ 1885 г. Не отрицая важнаго значенія для общественныхъ наукъ тѣхъ національныхъ вкладовъ, которые имѣютъ свой корень въ особенностяхъ духа и историческихъ судьбъ отдѣльныхъ народовъ, видя въ такихъ вкладахъ весьма важное средство обогащать науку новыми идеями, которыя жизнь могла выработать только у извѣстнаго народа съ извѣстною духовною фizioноміей и съ извѣстнымъ прошлымъ и настоящимъ, мы требовали, однако, чтобы вклады эти были дѣйствительно научны и чтобы они дѣлались предметомъ научнаго синтеза съ другими такими же вкладами. «Национальная наука, — писали мы, — обязана вести свое дѣло такъ, чтобы то, что могло по условіямъ данной общечеловѣческой общности выработаться только въ ней, было признано и другими, «чужими», какъ дѣйствительный вкладъ въ сокровищницу знанія, какъ поправка, расширеніе взглядовъ, выработанныхъ при иныхъ условіяхъ, всегда, конечно, одностороннихъ, и какъ освѣщеніе истины съ новой стороны». Общечеловѣческая наука, состоящая изъ теоретическихъ истинъ, способныхъ получить признаніе у всѣхъ народовъ, и составляетъ, какъ результатъ синтеза національныхъ вкладовъ, но именно лишь постольку, поскольку содержащіяся въ нихъ истины отрѣшаются отъ своей мѣстной и временной окраски, отвлекаются отъ конкретной національной дѣйствительности. Изъ того, что у насъ подъ общечеловѣческимъ часто разумѣли одно западно-европейское, противъ чего протестуетъ Данилевскій (стр. 119 и

слѣд.), еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы общечеловѣческаго не могло существовать, чтобы «понятіе объ общечеловѣческомъ не имѣло въ себѣ ничего реальнаго и дѣйствительнаго», какъ заявляетъ Данилевскій (стр. 128). Если тутъ только нѣтъ игры словами и понятіями (авторъ, отрицая *общечеловѣческое*, признаетъ *всечеловѣческое*), то Данилевскій долженъ былъ бы видѣть въ наукѣ не совокупность истинъ, общихъ или по самому существу своему могущихъ сдѣлаться общими всѣмъ народамъ, а совокупность всего, что принимается за истинное всѣми народами, хотя бы отдѣльныя національныя истины и противорѣчили однѣ другимъ: *всечеловѣческое*, — говоритъ онъ, — «состоитъ только изъ совокупности всего народнаго, во всѣхъ временахъ и мѣстахъ существующаго и имѣющаго существовать» (стр. 128). Не будемъ спорить о словахъ. Пусть *всечеловѣческая наука* будетъ суммой всѣхъ національныхъ наукъ, не сведенныхъ къ одной, такъ сказать, всеединой наукѣ, но тогда зачѣмъ «элиминировать національныя примѣси» для полученія чистаго благороднаго металла истины, о чемъ говоритъ самъ же Данилевскій (стр. 139)? Для того, чтобы «плоды науки были дѣйствительно достояніемъ всего человѣчества», на что авторъ *Россіи и Европы*, какъ мы видѣли, соглашается (стр. 166), именно нужно идти дальше простой суммы «*всечеловѣческаго*», именно нужно изъ нея элиминировать то, что по своей національной исключительности можетъ быть достояніемъ только одного народа, будучи неспособно къ возведенію на высшую ступень общечеловѣческаго, именно нуженъ тотъ синтезъ, который изъ «совокупности» дѣлаетъ нѣчто единое, общее. Если же признать научнымъ достояніемъ всего человѣчества совокупность всего народнаго въ наукѣ, то человѣчество будетъ поставлено въ большое затрудненіе: народное въ наукѣ необходимо должно быть такъ тѣсно связано съ условіями жизни, историческими преданіями, интересами и задачами отдѣльныхъ народовъ, а все это не только различно у разныхъ народовъ, но вдобавокъ еще нерѣдко вноситъ въ ихъ взаимныя отношенія такой антагонизмъ, что разобратся въ хаосъ противорѣчій не будетъ никакой возможности. Мы увидимъ, что иного результата въ вопросѣ объ общечеловѣческой наукѣ Данилевскій и не могъ получить при своей исходной точкѣ зрѣнія, отрицающей всемірно-историческій синтезъ культурныхъ продуктовъ отдѣльныхъ націй: въ этомъ отрицаніи и заключается сущность его теоріи культурно-историческихъ типовъ.

И такъ, Данилевскій — безусловный защитникъ націонализма въ наукѣ, причемъ, однако, его аргументы не могутъ быть названы убѣдительными. Ставъ на такую точку зрѣнія относительно общественныхъ наукъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ самъ придать своимъ историческимъ воззрѣніямъ націоналистическій характеръ; только подъ такимъ условіемъ и возможно было превращеніе «естественной системы исторіи», къ которой онъ стремился, въ «катихизисъ славянофильства», получившійся, на самомъ дѣлѣ, изъ его книги.

Когда-то Гизо, какъ французъ, объявилъ, что съ строго - философской

точки зрѣнія французская цивилизація одна наилучшимъ образомъ отражаетъ всю европейскую цивилизацію, даже воспроизводитъ вѣрнѣе, чѣмъ всякая другая, общій типъ, основную идею цивилизаціи. Конечно, это было патріотическое увлеченіе, отъ каковаго отрещивается и Бокль, принадлежавшій къ англійской націи и утверждавшій, что наиболѣе нормальной была исторія Англій. Къ этимъ двумъ примѣрамъ прибавимъ третій: для нѣмца Гегеля германскій духъ былъ выразителемъ послѣдняго момента въ развитіи «всесмірнаго духа», завершеніемъ исторіи человѣчества. Чтобы не забыть и Италію, укажемъ на итальянскаго патріота Джіоберти, написавшаго громадный томъ *О гражданскомъ и моральномъ первенствѣ Италіи*. Общечеловѣческая историческая наука, обязанная многимъ и Гизо, и Боклю, и Гегелю, конечно, «элиминируетъ» такія національныя пристрастія, и это ее нисколько не обезцвѣтитъ; всечеловѣческой наукѣ, кажется, нужно было бы быть «совокупностью всего народнаго» и въ этихъ, только что нами приведенныхъ утвержденіяхъ писателей разныхъ національностей относительно историческаго значенія послѣднихъ. Такъ какъ, впрочемъ, эти писатели другъ другу противорѣчатъ, то каждому народу, повидимому, остается только признавать за истину то, что ему говоритъ его собственная, по самому существу своему національная наука. У Данилевскаго на дѣлѣ такъ и выходитъ: для славянъ, которые, по его словамъ, идею славянства должны ставить выше науки (разумѣется, общечеловѣческой, а не славянской, такъ какъ послѣдняя и есть носительница идеи славянства), онъ даетъ славянскую истину, какъ Гизо давалъ своимъ соотечественникамъ истину французскую, Бокль — англійскую, Гегель — нѣмецкую, Джіоберти — итальянскую.

Въ VI главѣ *Россіи и Европы* есть одно мѣсто, гдѣ Данилевскій, повидимому, принципиально возстаетъ противъ подобной идеализаціи «своего». Именно онъ указываетъ на то, что «само ученіе славянофиловъ», имѣвшее одинъ изъ источниковъ своихъ въ германской философіи, «не чуждо было оттѣнка гуманитарности, т.-е. увлеченія общечеловѣческимъ»: «если, — говоритъ онъ, — оно напирало на необходимость самобытнаго національнаго развитія, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже высказаться, въ теченіе долговременнаго развитія, односторонность и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ, считало, будто бы славянамъ суждено разрѣшить общечеловѣческую задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой задачи, — замѣчаетъ авторъ, — однако же, вовсе и не существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы ей когда-нибудь послѣдовало конкретное движеніе, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и остальнаго человѣчества» (стр. 121). Весьма резонныя слова; но что же оказывается: Данилевскій ихъ забываетъ страницъ черезъ четыреста, т.-е. къ концу книги, гдѣ, «вмѣсто заключенія», мы находимъ главу XVII о «славянскомъ культурно-историческомъ типѣ».

Въ этой главѣ Данилевскій даетъ «возможно краткія и всеобъемлющія

«формулы» результатовъ, достигнутыхъ жизнью отдѣльныхъ народовъ, и сравниваетъ эти формулы «съ теоретическими требованіями (тутъ онѣ оказались возможными) отъ полного и всесторонняго хода историческаго движенія» (стр. 516). Категорій культурныхъ дѣятельностей онѣ насчитываетъ «ни болѣе, ни менѣе четырехъ», именно дѣятельности: 1) религіозную, 2) культурную въ тѣсномъ смыслѣ слова (наука, художество, техника), 3) политическую и общественно-экономическую (стр. 517). Въ первоначальныхъ культурахъ всѣ эти дѣятельности еще смѣшаны, но еврейская культура уже исключительно религіозная, греческая—собственно культурная (эстетическая), римская, главнымъ образомъ,—политическая, т.-е., по автору, типы: еврейскій, греческій и римскій суть типы одноосновные (стр. 522). Германо-романскій культурно-историческій типъ Данилевскій опредѣляетъ уже какъ политико-культурный, и поэтому называетъ его двусловнымъ (стр. 525). Что касается славянскаго типа, то, по пророчеству автора *Россіи и Европы*, онѣ «въ первый разъ представилъ синтезъ всѣхъ сторонъ культурной дѣятельности въ обширномъ значеніи этого слова,—сторонъ, которыя разрабатывались его предшественниками на историческомъ поприщѣ въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи», т.-е. «будетъ первымъ полнымъ четырехосновнымъ культурно-историческимъ типомъ» (стр. 556).

Гизо говорилъ, что французская цивилизація вѣрнѣе воспроизводитъ общій типъ, основную идею цивилизаціи: Данилевскій оспариваетъ эту привилегію въ пользу славянской культуры.

Бокль утверждалъ, что самый нормальный ходъ общественнаго развитія представляется англійскою исторіей, и эту привилегію Данилевскій переноситъ на славянъ.

Гегель видѣлъ въ германскомъ духѣ выраженіе послѣдняго момента въ развитіи «всемірнаго духа: «нѣтъ,—говоритъ Данилевскій,—только славянамъ суждено создать окончательный четырехсоставный типъ культуры».

Данилевскій на стр. 121 своей книги писалъ, что никогда никакое культурно-историческое племя не осуществитъ для себя и для остальнаго человечества задачу человечества: тотъ же Данилевскій на стр. 556—557 той же книги предсказываетъ, что славяне создадутъ синтезъ тѣхъ сторонъ культуры, которыя разрабатывались евреями, греками, римлянами, «германо-романцами» въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи, и что потому «на обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться въ одинъ обширный водоемъ» всѣ потоки всемірной исторіи и къ берегу этого водоема должны собраться «чуждые народы» утолять свою духовную жажду.

Кто изъ нихъ правъ и гдѣ правъ самъ себѣ противорѣчащій Данилевскій?

Съ точки зрѣнія общечеловѣческой науки, отвергаемой, однако, авторомъ *Россіи и Европы*, правъ только одинъ онѣ на страницѣ 121 своей книги. Съ точки зрѣнія національныхъ наукъ и науки всечеловѣческой, какъ ихъ совокупности, пришлось бы, наоборотъ, признать одинаково правыми всѣхъ и неправымъ только самого Данилевскаго на стр. 121.

И такъ, до сихъ поръ относительно научной стороны *Россіи и Европы* мы узнали двѣ вещи: 1) позволительно, отрицая самую возможность общей теоріи общественныхъ явленій, слѣдовательно, и исторіи, тѣмъ не менѣе, создавать общую теорію исторіи и предъявлять «ходу историческаго движенія» извѣстныя «теоретическія требованія», съ которыми можно было бы сравнивать краткія, но всеобъемлющія формулы развитія отдѣльныхъ народовъ; 2) позволительно, отрицая общечеловѣческую науку, создавать науку всечеловѣческую, которая должна составиться изъ всего, что ни на-есть самаго народнаго въ отдѣльныхъ научныхъ литературахъ, хотя бы имѣющая отсюда получиться «естественная система» напоминала собою самый неестественный хаосъ національныхъ мнѣній.

III.

Отрицаніе Данилевскимъ единой нити въ развитіи человѣчества.

Переходимъ теперь къ главной мысли Данилевскаго. «Онъ, — говоритъ г. Страховъ въ своемъ предисловіи къ *Россіи и Европѣ*, — далъ новую формулу для построенія исторіи, формулу гораздо болѣе широкую, чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно онъ отвергъ единую нить въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ, — говоритъ Данилевскій, — существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ». Прежній взглядъ г. Страховъ и называетъ искусственнымъ, противопоставляя ему взглядъ Данилевскаго, какъ естественный. Мы и разберемъ теперь поочередно отрицаніе Данилевскимъ единой нити въ развитіи человѣчества и его теорію культурно-историческихъ типовъ.

Данилевскій совершенно вѣрно подмѣтилъ одну особенность въ западно-европейскомъ пониманіи исторіи человѣчества: это — встрѣчающееся и у историковъ, и у философовъ исторіи (напримѣръ, у Гегеля или у Конта) отождествленіе судьбы романо-германской Европы съ судьбами всего человѣчества (стр. 85). Впрочемъ, изъ русскихъ писателей не одинъ Данилевскій это подмѣтилъ: я бы могъ привести здѣсь мнѣнія по этому пункту гр. Л. Н. Толстаго (въ *Войнѣ и Мирѣ*) и Стронина (въ *Исторіи обществѣнности*). Далѣе, авторъ *Россіи и Европы* и объяснилъ хорошо причину этого явленія, указывая на нѣкоторую ошибку исторической перспективы: разобравъ дѣленіе всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую, онъ обращаетъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что «различія, замѣчаемыя въ характерѣ событій среднихъ и новыхъ вѣковъ, должны были показаться столь важными и существенными для историковъ, къ которымъ они были ближе (и по времени, и по тому, что совершались въ средѣ того же племени, къ которому принадлежали эти историки), что все

остальное человечество и всё предшествовавшее вѣка представлялись имъ какъ бы на заднемъ планѣ ландшафта, гдѣ всё отдѣльныя черты сглаживаются, и онъ служить только фономъ для первыхъ плановъ картины. Но,—продолжаетъ Данилевскій,—не кажущееся и видимое, а сущность и дѣйствительность составляютъ дѣло науки. Этотъ перспективный взглядъ на исторію произвелъ ту ошибку, что вся совокупность фазисовъ совершенно своеобразнаго развитія нѣсколькихъ одновременно и даже послѣдовательно жившихъ племенъ, названная древнею исторіей, была поставлена на ряду, на одну ступень съ каждымъ изъ двухъ фазисовъ развитія одного только племени, какъ бы третій первоначальный фазисъ развитія этого племени» (стр. 84 и 85). Этимъ, дѣйствительно, исторія вытягивается въ одну линію, и лучшимъ примѣромъ такого изображенія всемірной исторіи является философія исторіи Гегеля, рассматривающая жизнь многихъ народовъ, которыхъ мы обозначаемъ общимъ именемъ древняго Востока, какъ младенчество всего человечества, исторію Греціи—какъ его юность, исторію Рима—какъ его зрѣлый возрастъ, исторію германскаго міра—какъ его старость: тутъ, во-первыхъ, части отвѣчаютъ за цѣлое, а, во-вторыхъ, все нанизывается на одну нить. Последнее особенно замѣтно въ примѣненіи общей идеи къ подробностямъ: такъ, Гегель начало исторіи полагаетъ къ Китаю, а Индію заставляетъ продолжать то, что начато было въ Китаѣ, чтобы предоставить дальнѣйшее продолженіе Персидскому государству, въ которомъ, опять-таки, за вавилоно-ассирійскимъ элементомъ слѣдуетъ финикійско-еврейскій, а за нимъ—египетскій. Этотъ примѣръ показываетъ, что, кромѣ перспективной ошибки, о которой говоритъ Данилевскій, тутъ играетъ роль другая еще ошибка—предположеніе внутренняго единства всемірной исторіи, якобы совершающагося по одному определенному плану. Въ главѣ III первой книги *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* (т. I, стр. 43 и слѣдующія по второму изданію) нами было разобрано такое представленіе всемірной исторіи и обнаружена его ложность, такъ что въ общемъ пришлось бы только соглашаться съ Данилевскимъ, приводя тѣ мѣста его книги, въ которыхъ онъ критикуетъ обычное представленіе о вытянутой въ одну линію всемірной исторіи. Такъ какъ цѣлью настоящей статьи мы и не думали ставить подкрѣпленіе собственныхъ историко-философскихъ воззрѣній ссылками на одного изъ своихъ въ данномъ случаѣ единомышленниковъ, равно какъ вовсе не думали подкрѣплять вѣрныя, на нашъ взглядъ, положенія Данилевскаго новыми соображеніями, которыя ему въ голову не приходили, то на констатированіи того факта, что Данилевскій отвергъ единую нить въ исторіи человечества, и на заявленіи о своемъ согласіи съ нимъ въ этомъ отношеніи и можно остановиться, не входя въ подробности его аргументаціи. Мало, однако, отвергнуть то или другое положеніе: еще вопросъ въ томъ, какой изъ этого будетъ сдѣланъ выводъ и чѣмъ будетъ замѣнено отвергнутое.

Громадное большинство философовъ исторіи вѣрило въ единый планъ

развитія всего человѣчества, отдѣльнымъ моментамъ котораго (плана) соответствуютъ исторіи отдѣльныхъ народовъ, начиная съ культурныхъ народовъ древняго Востока и кончая новѣйшими европейскими націями. Данилевскій отрицаетъ существованіе такого плана, замѣняя его нѣсколькими «самостоятельными, своеобразными планами историческаго развитія» (стр. 88) отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ, которыхъ онъ насчиталъ именно болѣе десяти. Если первое воззрѣніе исторію всѣхъ народовъ вытягиваетъ въ одну линію, дѣлая, напримѣръ, изъ Рима только продолженіе Греціи, то въ *Россіи и Европѣ* исторіи отдѣльныхъ «культурныхъ типовъ» представляются какъ параллельныя линіи, никогда не встрѣчающіяся, нигдѣ не соприкасающіяся, нигдѣ не сливающіяся. Конечно, Римъ не былъ простымъ продолженіемъ Греціи, какъ это часто принимается въ плановѣрныхъ философіяхъ исторіи: у Греціи была своя собственная линія, которая продолжалась и въ то время, когда, по ходячему представленію, Грецію смѣнилъ Римъ, равно какъ и у Рима была своя линія еще въ ту эпоху, когда Греція жила полною жизнью. Тѣмъ не менѣе, въ представленіи, дѣлающемъ изъ Рима преемника Греціи, есть доля истины, и вотъ эту-то долю истины Данилевскій игнорируетъ, ударяясь въ противоположную крайность, т.-е. доказывая полную обособленность тѣхъ линій, которыя противоположное воззрѣніе дѣлало продолженіями однѣ другихъ. Воззрѣніе, нашедшее самое рѣзкое выраженіе въ *Философіи исторіи* Гегеля, допускаетъ именно, что нѣчто, имѣвшее сначала форму Греціи, такъ сказать, цѣликомъ перелилось въ форму Рима, такъ что при этомъ отъ Греціи какъ будто ничего больше и не осталось, но за то Римъ только тутъ настоящимъ образомъ началъ существовать; на самомъ дѣлѣ было, разумѣется, не такъ, хотя и не такъ, какъ думаетъ Данилевскій, утверждающій, что совсѣмъ никакой общей исторіи въ только что указанномъ смыслѣ не существуетъ, ибо есть-де особый законъ непередаваемости цивилизаціи отъ одного культурно-историческаго типа другому (стр. 97). Историческія линіи, раздѣльно существующія, но соприкасающіяся одна съ другою и даже одна съ другою сливающіяся, гегельянская концепція неправильно дѣлаетъ отрѣзками нѣкоторой единой линіи, проходящей черезъ всю всемірную исторію, забывая при этомъ ихъ раздѣльное существованіе, а теорія Данилевскаго, наоборотъ, изолируетъ ихъ одну отъ другой, несмотря на то, что онѣ между собою, все-таки, переплетаются. Гегель во имя единства «всемірнаго духа» ломаетъ всѣ историческія перегородки, — Данилевскій во имя самобытности культурно-историческихъ типовъ закупориваетъ всѣ отдушины въ этихъ перегородкахъ.

Вотъ тотъ выводъ, который дѣлается изъ отверженія единой нити въ развитіи человѣчества; на немъ-то и строится теорія культурно-историческихъ типовъ. Остановимся на этомъ выводѣ и разсмотримъ его поближе.

Прежде всего, отрицаніе у исторіи всякаго единства стоитъ въ тѣсной связи съ отрицаніемъ и общей теоріи общества: народы (или культурно-историческіе типы) до такой степени различны, что, съ одной стороны, ихъ

исторіи совсѣмъ не могутъ сливаться въ нѣкоторую общую для многихъ народовъ исторію, а съ другой—и явленія, представляемыя каждою изъ нихъ, не могутъ быть подведены подъ какую-либо общую теорію. Два параллельные вывода отсюда: полная самобытность цивилизаціи каждаго культурно-историческаго типа и, въ соответствии этому, строго-національный характеръ общественной науки у каждаго народа. Но въ основѣ отрицанія самой возможности общей теоріи общества и въ основѣ требованія отъ общественныхъ наукъ націонализма мы обнаружили, смѣемъ думать, кое-какіе промахи и недочеты. Посмотримъ теперь, будетъ ли Данилевскій счастливѣе по двумъ новымъ пунктамъ своего историко-философскаго ученія.

«Естественная система исторіи,—говоритъ Данилевскій,—должна заключаться въ различеніи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣленій, отъ степеней развитія, по которымъ только эти типы (а совокупность историческихъ явленій?) могутъ подраздѣляться». Находя, что «отысканіе и перечисленіе этихъ типовъ не представляетъ никакого затрудненія», Данилевскій тотчасъ же ихъ и называетъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилонно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или арабійскій и 10) германо-романскій или европейскій. Къ этимъ десяти типамъ онъ считаетъ, пожалуй, возможнымъ причислить еще два американскіе типа: мексиканскій и перувіанскій (стр. 91). Между ними, далѣе, авторъ *Россіи и Европы* отличаетъ типы, уединенные отъ типовъ или цивилизацій преемственныхъ, «плоды дѣятельности которыхъ передавались отъ одного другому» (стр. 92). Въ какомъ смыслѣ допускаетъ онъ эту передачу плодовъ дѣятельности, мы еще увидимъ, а пока будемъ довольствоваться признаніемъ со стороны Данилевскаго той «преемственности», на основаніи которой и можно говорить объ единой нити въ исторіи если не цѣлаго человечества, то нѣкоторой его части, довольно значительной, потому что, по опредѣленію самого Данилевскаго, преемственными типами были: египетскій, ассирійско-вавилонно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и романо-германскій или европейскій (стр. 92). Мы прибавили бы къ нимъ и типъ славянскій, ибо ужъ ни въ какомъ случаѣ его-то къ уединеннымъ типамъ отнести нельзя. «Результаты,—продолжаетъ нашъ авторъ,—достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести цивилизацій, своевременно смѣнявшихъ одна другую и получившихъ, къ тому же, сверхъестественный даръ христіанства, должны были далеко превзойти совершенно уединенныя цивилизаціи, каковы китайская и индійская, хотя бы эти послѣднія однѣ равнялись всѣмъ имъ продолжительностью жизни. Вотъ, кажется мнѣ,—заключаетъ Данилевскій,—самое простое и естественное объясненіе западнаго прогресса и восточнаго застоя» (стр. 92).

Мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на послѣднихъ строкахъ, какъ заключающихъ въ себѣ мысль, которая имѣетъ важное значеніе во всемъ историко-философскомъ воззрѣніи автора *Россіи и Европы*:

1) Данилевскій признаетъ, что результаты дѣятельности преемственныхъ цивилизацій превосходятъ результаты цивилизацій уединенныхъ. Этого не могло бы быть, если бы преемственные цивилизаціи, такъ сказать, не работали надъ нѣкоторымъ общимъ дѣломъ и, съ этой точки зрѣнія, въ исторіи ихъ не было общей нити: ее можно отрицать въ исторіи всего чело-вѣчества, но слѣдуетъ признать въ исторіи извѣстной его части (истори-ческий *par excellence*). Эту нить онъ самъ опредѣлялъ какъ прогрессъ.

2) Самъ Данилевскій сбивается на оспариваемую имъ точку зрѣнія, называя труды перечисленныхъ цивилизацій послѣдовательными и говоря, что эти цивилизаціи своевременно (?) смѣняли одна другую. Въ самомъ дѣлѣ, онъ здѣсь упускаетъ изъ вида современность отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ, находившихся между собою во взаимодействіи и «трудившихся» одновременно, хотя и не одновременно выступившихъ на историческое поприще: египтяне и ассиро-вавилонно-финикійцы (допуская существованіе такого «типа»), равно какъ и евреи, позднѣе ихъ выступившіе, развивались одновременно, не будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, типами уединенными; ихъ цивилизаціи доживали свой вѣкъ въ то время, когда тоже одновременно дѣйствовали греки и римляне, ибо римская цивилизація никогда не смѣняла греческую, и, съ точки зрѣнія самого же Данилевскаго, въ Римской имперіи нужно признать существованіе двухъ различныхъ типовъ, если ужъ нельзя допустить сліянія греческой и римской цивилизацій въ одну цивилизацію, которую многіе и называютъ греко-римской, какъ самъ Данилевскій называетъ цивилизацію европейскую—романо-германской.

3) Такимъ образомъ, есть цивилизаціи уединенныя и неуединенныя (мы сейчасъ дадимъ понять, почему мы не называемъ ихъ преемственными). То, что разрознено, обособлено, уединено, не можетъ входить въ какую-либо систему: оно стоитъ внѣ системы, если только послѣднему слову не придавать неподобающаго ему смысла. Слѣдовательно, китайскій и индійскій типы находятся внѣ системы исторіи, которая именно тѣмъ и создается, что отдѣльные народы постепенно приходятъ въ соприкосновеніе между собою и пріобщаются къ нѣкоторой общей жизни. Начало этой общей жизни,—все болѣе и болѣе расширяющейся, такъ что теперь и Китай, и Индія выходятъ изъ своего уединенія,—современные историки относятъ къ XVII вѣку до Р. Х., когда египетскій фараонъ Тутмесъ I началъ завоеваніе Сиріи и дошелъ до Ассирійскаго государства *): Въ цѣломъ всемірной исторіи, которое мы должны мыслить какъ прошедшее, настоящее и будущее чело-вѣчества, уединенность все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто общенію въ двухъ его формахъ—одновременности и преемственности, и съ этой точки зрѣнія уединенность есть только временное состояніе. Этимъ исторической наукѣ и ставится задача прослѣдить, какъ постепенно къ нѣкоторому общенію народовъ, цивилизацій и культурно-историческихъ ти-

*) См. наше *Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока*. Спб., 1887 г. Стр. 8. Ср. вообще въ означенной брошюрѣ гл. I («Востокъ и начало всемірной исторіи») и гл. II («Построеніе общей исторіи Востока»).

повъ присоединялись, конечно, съ разными зачатками и результатами, тѣ или другіе, дотолѣ уединенные народы, цивилизаціи и культурные типы.

Такимъ образомъ, естественная система исторіи дается самымъ ея ходомъ: система эта въ воззрѣніи, совершенно правильно отвергаемомъ Данилевскимъ, была искажена стремленіемъ втиснуть въ нее то, что стояло внѣ ея, и расположить ея части по нѣкоторому апріорному плану *). Что же сдѣлалъ Данилевскій? Въмѣсто естественной, хотя и искаженной, а потому нуждающейся въ значительныхъ поправкахъ системы, онъ далъ чисто-искусственное раздѣленіе на самобытные типы, совершенно произвольно создавая типъ «ассирійско-вавилоно-финикійскій», но не считая возможнымъ говорить объ общей греко-римской цивилизаціи и полагая между греками, римлянами и новыми европейцами такую же грань въ своей системѣ, какъ, наприим., между египтянами, китайцами и перуанцами. Правда, онъ говоритъ еще о различіи между типами уединенными и преемственными, чѣмъ только что указанная грань уничтожается, но въ этой невольной уступкѣ отрицаемой имъ естественной системѣ онъ сохранилъ какъ разъ то, что въ послѣднюю было привнесено искусственно, а именно ту идею, что единственная форма международнаго историческаго общенія есть преемственность, въ силу которой отдѣльные народы «трудятся послѣдовательно» и цивилизаціи «своевременно смѣняются» одна другую, какъ это и сказано у Данилевскаго на стр. 92. Отвергнувъ въ оспариваемомъ взглядѣ съ невѣрнымъ и вѣрное, Данилевскій незамѣтно для самого себя первое опять принялъ въ свою систему. Все на той же 92 страницѣ говорится, что преемственные цивилизаціи передавали одна другой плоды своей дѣятельности, «какъ матеріалы для питанія или какъ удобреніе той почвы, на которой долженъ былъ развиваться послѣдующій типъ», и непосредственно за этимъ перечисляются преемственные типы, изъ коихъ, значить, каждый предъидущій «питалъ и удобрялъ» каждый послѣдующій, а именно, какъ мы уже видѣли, типы египетскій, ассирійско-вавилоно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и германо-романскій. Конечно, невозможно ставить ихъ въ такое отношеніе преемственности, въ какомъ находятся типы римскій и германо-романскій, о коихъ у Данилевскаго (стр. 93) сказано такъ: народы, составлявшіе Западную Римскую имперію, въ новой своей формѣ подвергшись германскому образовательному принципу, носятъ названіе романскихъ народовъ».

Далѣе, по ученію Данилевскаго, на долю народа, кромѣ положительной дѣятельности культурно-историческаго типа, можетъ выпасть еще или «разрушительная дѣятельность такъ называемыхъ (sic!) бичей Божіихъ, или служеніе чужимъ цѣлямъ въ качествѣ этнографическаго матеріала». «Въ мірѣ человечества,— говоритъ Данилевскій,— кромѣ положительно-дѣятельныхъ культурныхъ типовъ или самобытныхъ цивилизацій, есть еще временно появляющіеся феномены, смущающіе современниковъ, какъ гунны, монголы,

*) Ср. *Осн. вопр. фил. ист.*, кн. I, гл. III.

турки, которые, совершивъ свой разрушительный подвигъ, помогли испустить духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ и разнесъ ихъ остатки, «скрываются въ прежнее ничтожество». Разберемъ и это мѣсто. Гунны, монголы и турки названы здѣсь «*временно* появляющимися феноменами, смущающими *современниковъ*»: конечно, можемъ мы сказать, они существуютъ не временно, т.-е. не въ извѣстный только моментъ, когда своимъ появленіемъ смущаютъ современниковъ этого момента, принадлежащихъ къ другимъ народамъ, а потому, очевидно, выражался такимъ образомъ, Данилевскій имѣлъ въ виду не вообще всю исторію каждаго изъ такихъ «феноменовъ», а именно появленіе ихъ на сценѣ такъ называемой всемірной или, если хотите, международной исторіи. Въ противномъ случаѣ, и о положительныхъ культурныхъ типахъ пришлось бы сказать, что они появляются (т.-е. возникаютъ и исчезаютъ) временно, такъ какъ вѣчнаго ничего въ исторіи нѣтъ. И такъ, исторію «отрицательныхъ дѣятелей человѣчества» Данилевскій мыслитъ по отношенію къ нѣкоторому большому, чѣмъ одинъ народъ или «типъ» цѣлому, и мы тѣмъ болѣе имѣемъ право это утверждать, что самъ онъ опредѣляетъ и ихъ роль во всемірной исторіи. Мы уже видѣли, что, по Данилевскому, цивилизаціи «своевременно» смѣняютъ одна другую: теперь мы узнаемъ, что «временно появляющіеся феномены» «помогаютъ испускать духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ», — очевидно, если сопоставить это мѣсто съ разобраннымъ раньше, для того, чтобы расчистить «почву, на которой долженъ развиваться послѣдующій типъ». Исполнивъ такую задачу, отрицательные дѣятели человѣчества «скрываются въ прежнее ничтожество»; послѣднее, конечно, не есть небытіе и существованіе безъ всякаго значенія въ исторіи тѣхъ народовъ, которые соединены между собою извѣстными связями взаимодѣйствія и преемства, но ничтожество въ такомъ смыслѣ по отношенію къ преемственнымъ типамъ можно было бы приписать и типамъ уединеннымъ, живущимъ (или, вѣрнѣе, жившимъ) *an und für sich*.

Кромѣ положительныхъ и отрицательныхъ дѣятелей, Данилевскій признаетъ еще третью группу племенъ, играющихъ роль лишь этнографическаго матеріала.

Посмотримъ теперь, что можетъ еще означать указанное раздѣленіе историческихъ народовъ на положительныхъ и отрицательныхъ дѣятелей человѣчества. Нельзя представить себѣ вещи, которая имѣла бы положительное или отрицательное значеніе безотносительно къ чему бы то ни было.

«Временно появляющіеся феномены» названы отрицательными дѣятелями по отношенію къ цивилизаціямъ, ими разрушаемымъ, но *для себя* они нѣчто, все-таки, создаютъ, и положительными дѣятелями ихъ нельзя назвать только по отношенію къ другимъ народамъ, коимъ они ничего не даютъ, да и не могутъ дать по бѣдности своей культуры. Такимъ образомъ, для себя каждый народъ есть дѣтель положительный, а если Данилевскій нѣкоторые народы признаетъ положительными дѣятелями *par excellence*, то, конечно, главнымъ образомъ, по ихъ значенію для другихъ народовъ. Что мы

не вытягиваемъ изъ словъ автора того смысла, котораго они въ себѣ не заключаютъ, доказательствомъ этому могутъ служить слѣдующія строки на стр. 91: «только народы, составившіе эти культурно-историческіе типы, (т.-е. уже перечислявшіеся), были положительными типами въ исторіи человечества; каждый развивалъ самостоятельнымъ путемъ начало, заключавшееся какъ въ особенностяхъ его духовной природы, такъ и въ особенныхъ вѣшнихъ условіяхъ жизни, въ которыя они были поставлены, и этимъ вносилъ свой вкладъ въ общую сокровищницу». Есть, значитъ, исторія человечества (хотя и не цѣлаго) не въ смыслъ только простой суммы отдѣльныхъ національныхъ исторій, разъ признается у него (хотя и не у всего) «общая сокровищница». Впрочемъ, эта общая сокровищница содержитъ въ себѣ, по общей мысли Данилевскаго, вклады, остающіеся частною собственностью отдѣльныхъ типовъ, хотя въ приѣненіи къ частнымъ явленіямъ жизни онъ самъ высказываетъ мысль діаметрально-противуположную. Данилевскій довольно часто дѣлаетъ экскурсіи въ область исторіи наукъ, и тутъ ему приходится указывать на то, какъ единая наука проходила въ своемъ развитіи черезъ разные культурно-историческіе типы. Наука имѣетъ свою преемственную линію отъ грековъ черезъ римлянъ и романо-германцевъ къ намъ, славянамъ, но такія же преемственные линіи существуютъ и у религіи (вспомнимъ одно христіанство), и у философіи, и у искусства, и у другихъ элементовъ культуры. Возможность такихъ преемственныхъ линій, сливающихся въ нѣкоторой, общей для исторіи многихъ народовъ линіи, обуславливается возможностью передачи и заимствованій элементовъ культуры отъ народа. Мы сейчасъ и будемъ говорить о мысляхъ Данилевскаго объ этомъ послѣднемъ предметѣ, а только что оконченный отдѣлъ нашего разбора заключимъ общимъ выводомъ, который можно изъ него сдѣлать. Данилевскій совершенно основательно вооружился противъ обычнаго построенія всемірной исторіи и высказалъ по этому поводу много вѣрныхъ замѣчаній (впрочемъ, давнымъ-давно приходившихъ въ голову и другимъ, какъ мы могли бы это доказать), но, строя свою систему исторіи, онъ отвергъ вмѣстѣ съ тѣмъ то вѣрное, что заключается въ критикуемомъ представленіи, допустивъ, однако, въ свое собственное нѣкоторыя невѣрныя мысли отвергнутой системы.

IV.

Законы движенія или развитія культурно-историческихъ типовъ.

Пятая глава *Россіи и Европы* называется «Культурно-историческіе типы и нѣкоторые законы ихъ движенія или развитія». О ней теперь и будетъ идти рѣчь.

Общая теорія общественныхъ явленій, по Данилевскому, невозможна, и, тѣмъ не менѣе, онъ формулируетъ законы развитія обществъ.

Кромѣ того, общественнымъ наукамъ приписывается Данилевскимъ исключительно національный характеръ, «такъ какъ тутъ и самый объектъ

науки становится национальным», и, тем не менее, сам автор этой мысли пытается создать «естественную систему», которая имеет общечеловеческий объект, а потому, повидимому, должна была получить и интернациональное значение.

Напомним эти два противоречія, приступимъ къ разбору того, что можно назвать самою сущю теоріи Данилевскаго.

Законы историческаго движенія, которые Данилевскій формулируетъ въ пятой главѣ своей книги, «вытекаютъ, по его собственнымъ словамъ, изъ группировки явленій этого развитія по культурно-историческимъ типамъ» (стр. 95). Тутъ для насъ все неясно. Во-первыхъ, что значить «группировка явленій историческаго развитія по культурно-историческимъ типамъ»? Во-вторыхъ, какъ изъ какой бы то ни было группировки могутъ вытекать законы? Правда, законы эти называются общими выводами, и тогда дѣло, пожалуй, объяснится, но не въ пользу законовъ: Данилевскій далъ извѣстную схему для группировки историческихъ явленій въ главѣ IV, а въ главѣ V сдѣлалъ нѣсколько общихъ изъ нея выводовъ, и, такимъ образомъ, несовершенство схемы должно отразиться и на достоинствахъ выводовъ. Однако, и это объясненіе мы не можемъ назвать вполне пригоднымъ: по существу дѣла эти выводы вовсе не выводы, а, напротивъ, основанія, на которыхъ держится самая схема. А есть истина, а потому и «вытекающее» изъ него В истинно; при болѣе же внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что именно А изъ В-то и «вытекаетъ». Не законы историческаго развитія, формулируемые Данилевскимъ, вытекаютъ, какъ выводы, изъ группировки историческихъ явленій по культурно-историческимъ типамъ, а, наоборотъ, сама группировка эта основывается на признаніи упомянутыхъ законовъ, по крайней мѣрѣ, на двухъ изъ нихъ, изъ коихъ первый гласитъ о самобытности цивилизаціи отдѣльныхъ племенъ или семействъ народовъ, а другой—о непередаваемости началъ цивилизаціи одного культурно-историческаго типа народамъ другаго типа (стр. 95). Правда, самобытность и непередаваемость, о коихъ говорится въ началѣ главы V, не «вытекаютъ» изъ того, что говорилось въ концѣ главы IV о преемственности передачи плодовъ дѣятельности, о результатахъ, достигнутыхъ послѣдовательными трудами нѣсколькихъ цивилизацій (стр. 92), но за то группировка явленій исторіи *только* по культурнымъ типамъ, дѣйствительно, вытекаетъ изъ принимаемыхъ Данилевскимъ за законы историческаго развитія самобытности и передаваемости цивилизацій: разъ каждая цивилизація самобытна и непередаваема, единая нить въ исторіи нѣсколькихъ даже преемственныхъ культурно-историческихъ типовъ существовать не можетъ. Въ этомъ, вѣдь, и заключается вся суть историко-философскаго открытія Данилевскаго.

Переходимъ теперь къ самымъ «законамъ развитія культурно-историческихъ типовъ».

Законъ 1-й формулируется Данилевскимъ въ такихъ словахъ: «всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или

группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій, составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества» (стр. 95). Комментируя другой законъ (именно пятый) нѣсколькими страницами дальше, Данилевскій совершенно основательно указываетъ, между прочимъ, на то, что цивилизационному періоду въ исторіи каждаго народа предшествуетъ «длинный подготовительный періодъ», когда «закладываются тѣ особенности въ складѣ ума, чувства и воли, которыя составляютъ всю оригинальность племени, налагаютъ на него печать особаго типа общечеловѣческаго развитія и даютъ ему способность къ самобытной дѣятельности» (стр. 112). Этой до-исторической основы племенной самобытности или оригинальности мы, разумѣется, отрицать не будемъ, равно какъ не станемъ высказывать сомнѣнія и относительно того, что безъ способности къ развитію вообще и безъ нѣкоторой степени развитія и нѣтъ возможности ни для какаго племени достигнуть значенія культурно-историческаго типа. Но вотъ что не вѣрно въ первомъ законѣ Данилевскаго. Во-первыхъ, если «всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—составляетъ самобытный культурно-историческій типъ», то какимъ образомъ, съ одной стороны, очень близкія между собою въ лингвистическомъ отношеніи племена, каковы индусскіе арійцы и иранцы, напримѣръ, образовали два различные типа, а, съ другой стороны, къ одному типу отнесены романскія и германскія націи, сродство между языками которыхъ непосредственно не ощущается, и опять-таки къ одному типу отнесены вообще всѣ православные народы? Во-вторыхъ, правда ли еще и то, что въ основѣ каждой самобытной культуры находится всегда одно племя? Новѣйшія изслѣдованія древнѣйшихъ цивилизацій Востока указываютъ на зарожденіе послѣднихъ среди своего рода «смѣшенія языковъ». Древнѣйшая Халдея, гдѣ зарождается самобытная цивилизація, была населена племенами разныхъ расъ, туранцами, кушитами и семитами, и современные историки пытаются опредѣлить, что каждымъ изъ этихъ племенъ было внесено въ общую халдейскую культуру. Какъ европейскій типъ былъ образованъ, по Данилевскому, романскими и германскими націями, причѣмъ къ нимъ примкнула часть славянства, составляющаго особый типъ, такъ и въ древности возможно было раздѣленіе одного племени или семейства народовъ на разные типы (вспомнимъ обособленіе евреевъ отъ другихъ семитовъ) и сліяніе разныхъ племенъ для образованія одного типа. Первый свой законъ Данилевскій считаетъ «не требующимъ большихъ поясненій», говоря, что «сомнѣваться въ немъ невозможно» (стр. 96). Напротивъ, въ теоріи Данилевскаго это есть основной принципъ, который потому и требовалъ бы объясненій, а, главное, доказательствъ, тѣмъ

болѣе, что именно онъ порождаетъ разныя недоумѣнія. Между тѣмъ, Данилевскій развитію своего положенія посвящаетъ всего полторы страницы (96—97), да и то на этихъ полторахъ страницахъ сказано еще кое-что по поводу закона 2-го, формулированнаго такимъ образомъ: «дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политической независимостью». Последній законъ, дѣйствительно, не требуетъ никакихъ поясненій, но о первомъ, повторяемъ, этого сказать нельзя. Не возражая здѣсь Данилевскому по существу, а указывая только на недоказанность главнаго его тезиса, мы прибавимъ еще, что объясненіе культурно-историческихъ явленій въ жизни народовъ ихъ племеннымъ происхожденіемъ порождаетъ массу ошибокъ и недоразумѣній, разъ всѣ отдѣльные моменты такого объясненія не подвергнуты строгому анализу: позволимъ здѣсь себѣ сослаться на IV главу III книги своихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, гдѣ доказывается, что такъ называемая «теорія расы» (въ сущности, и принимаемая Данилевскимъ въ основу его системы исторіи) страдаетъ крайнею невыработанностью своихъ понятій и недоказанностью своихъ положеній. И у автора *Россіи и Европы* нѣтъ точнаго опредѣленія отдѣльныхъ понятій, входящихъ въ его основной тезисъ. Что такое племя? Что такое группа языковъ, довольно близкихъ между собою? Что значить для племени «выйти изъ младенчества»?

Данилевскій самъ находитъ, что «болѣе подробнаго разсмотрѣнія и разъясненія требуетъ третій законъ культурно-историческаго развитія», и отводитъ этому разсмотрѣнію и разъясненію восемь съ половиной страницъ (97—105). Изъ всѣхъ пяти формулъ, помѣщенныхъ въ началѣ главы V, именно этотъ законъ 3-й, вмѣстѣ съ первымъ, и составляетъ всю суть историко-философской теоріи Данилевскаго. Читается онъ такъ: «начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при болѣе или менѣе вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій» (стр. 95). Прежде нежели мы перейдемъ къ объясненіямъ самого Данилевскаго, мы имѣемъ право остановиться на этомъ тезисѣ самомъ по себѣ, такъ какъ подобные тезисы обыкновенно формулируются съ особенною точностью. Вѣроятно, авторъ недаромъ употребилъ здѣсь выраженіе «начала цивилизаціи» для обозначенія чего-то такого въ цивилизаціи, что не передается, говоря для краткости, изъ типа въ типъ, ибо, очевидно, онъ допускаетъ передачу чего-то изъ цивилизаціи, такъ какъ говоритъ самъ о выработкѣ отдѣльныхъ цивилизацій подъ вліяніемъ другихъ, немислимой безъ нѣкоторой передачи или, что то же, безъ нѣкотораго заимствованія. Истолковывая такимъ образомъ мысль Данилевскаго, заключающуюся въ третьемъ его тезисѣ, мы имѣемъ полное право изложить этотъ тезисъ нѣсколько иначе, причемъ, какъ сейчасъ увидитъ читатель, мы и въ выраженіяхъ не будемъ отступать отъ подлиннаго текста.

3-й законъ Данилевскаго.

Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій.

Наша его формулировка.

Каждый культурно-историческій типъ вырабатываетъ собственную цивилизацію, начала которой не передаваемы народамъ другого типа, но которая *иными своими элементами* можетъ оказывать большее или меньшее вліяніе на другія современныя или послѣдующія цивилизаціи.

Мы позволили себѣ только вставить одно подчеркнутое выраженіе, дабы непередаваемымъ «началамъ» цивилизаціи противоположить нѣчто, по мысли самого автора, передаваемое. Наше толкованіе оказывается произвольнымъ. Въ самомъ концѣ своихъ разъясненій на тезисъ третій Данилевскій говоритъ: «Народы иного культурнаго типа могутъ и должны знакомиться съ результатами чужаго опыта, принимая и прикладывая къ себѣ изъ него то, что, такъ сказать, стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, техническіе приемы и усовершенствованія искусствъ и промышленности. Все же остальное, въ особенности все относящееся до познанія человѣка и общества, а тѣмъ болѣе до практическаго примѣненія этого познанія, вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, а можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію—какъ одинъ изъ элементовъ сравненія—по одной уже той причинѣ, что при разрѣшеніи этого рода задачъ чуждая цивилизація не могла имѣть въ виду чуждыхъ ей общественныхъ началъ и что, слѣдовательно, рѣшеніе ихъ было только частное, только ее одну болѣе или менѣе удовлетворяющее, а не общепримѣнимое» (стр. 105). Эти слова подтверждаютъ наше толкованіе, и мы имѣемъ право передать 3-й законъ Данилевскаго такъ: «Каждый культурно-историческій типъ вырабатываетъ собственную цивилизацію. Все въ ней, кромѣ научныхъ и техническихъ элементовъ, въ особенности же все относящееся до познанія человѣка и общества и до практическаго примѣненія этого познанія, непередаваемо народамъ другого типа. За то каждая цивилизація своими научными и техническими элементами можетъ оказывать большее или меньшее вліяніе на другія цивилизаціи».

Само собою разумѣется, мы должны согласиться съ Данилевскимъ, когда онъ утверждаетъ, что вся цивилизація какого-либо типа, взятая цѣликомъ, непередаваема: могутъ передаваться только отдѣльные ея элементы. «Передать цивилизацію какому-либо народу,—говоритъ онъ,—значитъ—заставить этотъ народъ до того усвоить себѣ всѣ культурные элементы (религіозные, бытовые, соціальные, политическіе, научные и художественные), чтобы онъ совершенно проникнулся ими» (стр. 99). Однако, мы принимаемъ это положеніе лишь съ оговоркой: полное заимствованіе цивилизаціи мы считаемъ невозможнымъ только для народовъ, достигшихъ извѣстной ступени развитія, а не для такихъ племенъ, которыя самъ Данилевскій называетъ этнографическимъ матеріаломъ. Доказательства, имъ приводимыя, совершенно излишни: нѣтъ надобности указывать на то, что ни у одного народа неегипетскаго происхожденія не принималась египетская культура, что индійская цивилизація ограничилась народами, которые говорили язы-

ками санскритскаго корня, что евреи также не передали никому своей культуры и т. д. (стр. 97 и слѣд.), хотя утверждать все это можно лишь съ оговорками. И такъ, важно то, что передаются и заимствуются только отдельные элементы цивилизаціи. Но какіе? Мы видѣли, какъ рѣшается этотъ вопросъ Данилевскій, и тутъ приходится просто удивляться. «Все относящееся до познанія человѣка и общества, а тѣмъ болѣе до практическаго примѣненія этого познанія вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, а можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію». Или эта формула неполна, или Данилевскій позабылъ на время такіе три крупные факта, какъ распространеніе христіанства, буддизма и магометанства, вышедшихъ за предѣлы своихъ типовъ. Уже это одно можетъ заставить усомниться въ вѣрности третьяго закона Данилевскаго. Мы могли бы привести и другіе примѣры передачи такихъ элементовъ культуры, непередаваемость коихъ утверждается Данилевскимъ, но это было бы лишнимъ въ виду того, что самъ онъ признаетъ ихъ передаваемость для того, чтобы отрицаніе замѣнить неодобреніемъ: заимствованій бывають, но они вредны, ибо подавляютъ ростки самобытнаго развитія (см. стр. 100, 101, 104). Это уже другая точка зрѣнія. Вредъ заимствованій авторъ, между прочимъ, доказываетъ, ссылаясь на то, что могло бы быть, если бы не гибельное заимствованіе. «Если бы,—разсуждаетъ онъ,—потомки этрусковъ продолжали слѣдовать болѣе свойственному ихъ племени пути, римская наука не была бы, можетъ быть, столь ничтожна и бесплодна»: виновата греческая наука, какъ греческое искусство виновато въ томъ, что «задавило самобытное творчество» тѣхъ же этрусковъ (стр. 100). Оказывается при этомъ, что римская цивилизація, по Данилевскому, развивалась несамобытно, къ ея великому несчастью (стр. 99): тамъ, гдѣ автору *Россіи и Европы* нужно доказывать вредъ заимствованій, къ его услугамъ являются факты, забываемые тогда, когда нужно доказывать самобытность и непередаваемость цивилизаціи. По его словамъ (стр. 99), «латинофилъ» Катонъ былъ правъ, отстаивая самобытное развитіе, ибо «принятіе чуждыхъ греческихъ элементовъ или отравило, или, по меньшей мѣрѣ, поразило бесплодіемъ все тѣ области жизни, въ которыя они проникли». Не будь греческаго вліянія, «самобытная» римская философія не была бы столь бесплодна, хотя бесплодіе римской философіи самъ же Данилевскій объясняетъ тѣмъ, что умозрительное направленіе греческаго ума было несвойственно людямъ латинской расы (стр. 100), т.-е. сваливаетъ вину съ заимствованія на неспособность. Прославляя римлянъ за ихъ право, въ коемъ они были самобытны (стр. 99 и 101), онъ забываетъ, что своимъ совершенствомъ право это обязано прившедшимъ въ него элементамъ греческой философіи. Последняго обстоятельства не выкинешь изъ исторіи, да и самъ Данилевскій думаетъ еще, напр., что этрусскія наблюденія надъ полетомъ птицъ и надъ внутренностями животныхъ (т.-е., въ сущности, способы гаданія) могли бы привести къ научнымъ изслѣдованіямъ «при свѣтѣ особливо Аристотелевой философіи» (стр. 100); это могло бы быть и не быть, а то,

на что мы сейчас только указали, действительно было въ римскомъ правѣ при свѣтѣ греческой же философіи. Впрочемъ, Данилевскій дѣлаетъ еще одну уступку: пожалуй, и заимствовать можно, но только, такъ сказать, изъ прекраснаго далека. «Еще около трехъ столѣтій,—говоритъ онъ о началѣ среднихъ вѣковъ,—продолжалъ стучаться мракъ варварства въ Европѣ, чтобы подъ тѣнью его успѣли окрѣпить своеобразныя начала вновь возникающаго культурно-историческаго типа, и чтобы типъ этотъ могъ начать безопасно пользоваться плодами исчезнувшей цивилизаціи, которая изъ дали прошлаго не могла уже дѣйствовать съ такою силой соблазна, какъ при непосредственномъ соприкосновеніи» (стр. 103).

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій намъ кажется, что подъ тезисомъ Данилевскаго: «начала цивилизаціи не могутъ передаваться» скрывается его дезидератъ: «элементы культуры не должны заимствоваться». Первому противорѣчатъ факты, а потому его историческая наука можетъ только отвергнуть, но съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ второй займетъ подобающее ему мѣсто въ «кодексѣ славянофильства». Кто хочетъ доказательства, тому рекомендуемъ прочесть на стр. 99 и 102 о римскихъ «латинофилахъ» и о совѣтѣ «не вступать въ тѣсныя сношенія съ другими народами, дабы съ заимствованіемъ обычаевъ и правовъ не потерять своей самобытности».

По поводу того же третьяго своего закона Данилевскій говоритъ еще объ историческомъ преемствѣ. «Вся исторія,—говоритъ онъ,—доказываетъ, что цивилизація не передается отъ одного историческаго типа другому; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они оставались безъ всякаго воздѣйствія другъ на друга,—только это воздѣйствіе не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизація, надо себѣ точнѣе уяснить (стр. 103). Уясненію этому Данилевскій посвящаетъ послѣднія три страницы изъ тѣхъ 8½ страницъ, которыя отведены вообще доказательству третьяго закона. Способовъ распространенія цивилизаціи авторъ *Россіи и Европы* признаетъ три: пересадку съ одного мѣста на другое, прививку и нѣчто вродѣ «вліянія почвеннаго удобренія на растительный организмъ» или «улучшеннаго питанія на организмъ животнаго». Термины и уподобленія взяты авторомъ изъ ботаники или даже изъ «садоводной практики», причемъ цивилизація сравнивается съ растеніемъ: ее, напримѣръ, англичане «пересадили» въ Сѣверную Америку и въ Австралію; черенокъ цивилизаціи греки нѣкогда «привили» къ египетскому дереву; почвенному удобренію соответствуетъ принятіе того, что стоитъ внѣ сферы народности, т.-е. выводы и методы наукъ, техническіе приемы и усовершенствованія. Данилевскій рекомендуетъ, конечно, улучшенное питаніе, но съ упомянутыми оговорками, лишь бы принятіе чужой пищи не было заимствованіемъ началъ цивилизаціи: послѣднее, какъ нѣчто сопряженное съ передачей цивилизаціи со стороны того, у кого заимствуютъ, есть прививаніе къ себѣ чужаднаго растенія. Подъ передачею цивилизаціи, по словамъ Данилевскаго, обыкновенно и разумѣютъ прививку, а она, какъ доказывается это «фізіологическою теоріей и садоводною практикой», не приноситъ пользы тому, къ чему при-

вивается не въ одномъ фیزیологическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ (стр. 104).

Чтобы ужъ не выходить изъ области садоводныхъ аналогій, въ которую вводитъ насъ Данилевскій объясненіемъ преемства, мы позволимъ себѣ нарушить порядокъ и привести раньше четвертаго закона законъ 5-й, формулированный такъ: «ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу» (стр. 96). Семь послѣднихъ страницъ главы (стр. 111—118) содержатъ въ себѣ объясненіе этого закона, къ которому мы теперь и перейдемъ. Исторію каждаго типа Данилевскій дѣлитъ на три большіе періода: первый періодъ—это время безсознательной, чисто-этнографической формы быта (древняя исторія), второй—время государственнаго стремленія (средняя исторія), третій—періодъ цивилизаціи, время быстрой растраты накопленныхъ силъ, послѣ чего наступаетъ апатія самодовольства или апатія отчаянія. Мысль, лежащая въ основѣ этой схемы, не новая, хотя еще вопросъ, есть ли это роковой законъ *). По поводу своей схемы Данилевскій дѣлаетъ много частныхъ замѣчаній, отличающихся вѣрностью взгляда, и именно, благодаря тому, что въ общемъ указанныя замѣчанія вѣрны, ему приходится нерѣдко противорѣчить своему основному принципу. Напримѣръ, переходъ типа отъ того, что онъ называетъ состояніемъ государственнымъ, въ состояніе цивилизаціи, по его мнѣнію, обусловливается внѣшнимъ культурнымъ вліяніемъ: «знакомство съ восточною мудростью,—говоритъ онъ,—... опредѣляетъ (вмѣстѣ съ персидскими войнами) вступленіе Греціи въ періодъ цивилизаціонный»; или: «знакомство съ Греціей вводитъ Римъ въ періодъ цивилизаціи»; или еще: «знакомство съ греко-римскою цивилизаціей черезъ византійскихъ эмигрантовъ... открываетъ періодъ цивилизаціи» романо-германскаго типа (стр. 117). Мы, конечно, далеки отъ возведенія этихъ фактовъ въ законъ и еще менѣе склонны такъ рѣзко отдѣлять цивилизаціонный періодъ отъ государственнаго, но, во всякомъ случаѣ, приведенные самимъ Данилевскимъ факты не подкрѣпляютъ, по крайней мѣрѣ, его теоріи о самобытности. Съ другой стороны, и тутъ онъ возвращается къ той мысли, что культурно-историческіе типы смѣняются другъ друга своевременно: когда одинъ дойдетъ до своего рода совершенства, начинается свою дѣятельность другой, чтобы развить другую сторону духа человѣческаго (стр. 115). Этимъ всей исторіи въ дѣломъ приписывается нѣкоторый планъ, а онъ не можетъ мыслиться безъ своего рода единой нити.

«Законъ 4-й. Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ дѣломъ, пользуясь независи-

*) Ср. Осн. вопр. фил. ист., кн. III, гл. IV (въ концѣ).

мостью, составляютъ федерацію или политическую систему государствъ» (стр. 95—96). На нашъ взглядъ, заявленное этимъ тезисомъ условіе «разнообразія этнографическихъ элементовъ, составляющихъ типъ», противорѣчитъ основному принципу перваго закона, по которому въ основѣ каждаго типа должно лежать одно племя. Если же для устранения этого противорѣчія принять, что указываемое Данилевскимъ разнообразіе есть уже результатъ разложенія первоначально-единого племени, то почему каждый такой новый «элементъ» не составляетъ особаго типа? Съ понятіемъ этнографическаго элемента авторъ теоріи типовъ обращается, притомъ, довольно произвольно: отдѣльныя европейскія націи играютъ у него роль такихъ же этнографическихъ элементовъ романо-германскаго типа, какъ эллинскія племена (іонійцы, дорійцы и т. д.) въ типѣ греческомъ (стр. 106). И здѣсь все подгоняется къ тому, чтобы отграничить типы одинъ отъ другаго. Для непредубѣжденнаго историка греки были такою же національностью, каковыми въ наше время являются англичане, итальянцы, нѣмцы, французы и т. д., съ тѣмъ только различіемъ, что греки въ цвѣтущую пору своей исторіи ни съ однимъ народомъ не составляли высшей единицы, которую можно было бы уподобить современной Европѣ. Если греки были типъ, то типами являются и французы, и нѣмцы, и англичане и т. д., но они уже сообща вырабатываютъ свою цивилизацію, втягивая въ эту работу и другія націи, которыя отъ нихъ поотстали, и надъ національнымъ типомъ, выше котораго ничего не хочетъ знать Данилевскій, вырастаетъ нѣчто, стремящееся стать общечеловѣческимъ. Съ другой стороны, если національный типъ самъ является какъ продуктъ взаимодѣйствія разнообразныхъ племенныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ націи, то почему интернаціональное взаимодѣйствіе неспособно къ произведенію аналогичнаго синтеза съ нѣкоторымъ правомъ на предикатъ общечеловѣчности? Для защиты своего положенія Данилевскому приходится прибѣгать къ весьма рискованнымъ средствамъ, приходится отрицать историческую индивидуальность европейскихъ націй во имя общаго «европейскаго типа», ихъ поглотившаго, и приходится отрицать общую исторію разныхъ народовъ, поскольку она возможна при взаимодѣйствіи и преемствѣ націй, — отрицать на этотъ разъ во имя индивидуальности типовъ.

«Нечего говорить, — читаемъ мы у него, — объ отдѣльной исторіи Франціи, Италіи и Германіи; такой исторіи, собственно говоря, на дѣлѣ и нѣтъ вовсе, а есть только исторія Европы съ французской, итальянской, нѣмецкой или англійской точки зрѣнія, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на событія каждой изъ этихъ странъ» (стр. 111). Гдѣ нужно настаивать на общности, тамъ Данилевскій совершенно забываетъ ея относительность и отвергаетъ индивидуальность, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ ему нужно выдвинуть на первый планъ эту послѣднюю, и ея относительность имъ забывается и всякая общность отвергается: «какъ скоро мы выйдемъ изъ границъ культурнаго типа, — продолжаетъ онъ, — будетъ ли то въ древнія или въ новыя времена, то общая исторія разныхъ типовъ становится въ обоихъ случаяхъ

одинаково невозможно» (стр. 111). У итальянца нѣтъ своей исторіи: его исторія есть исторія Англіи+Германіи+Испаніи+Италіи+Португаліи+Франціи+Швеціи и т. д. съ «итальянской точки зрѣнія». Нѣтъ общей исторіи и у цивилизованной части человѣчества: есть только исторія отдѣльных типовъ, о преемствѣ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно и забыть.

Полагаемъ, что послѣ всего этого можно назвать культурно-историческій типъ, какъ научное понятіе, долженствующее заново перестроить историческую науку, чѣмъ-то неопредѣленнымъ и противорѣчивымъ, а примѣненіе этого понятія къ явленіямъ дѣйствительности довольно-таки произвольнымъ.

У.

Всемирная исторія и славянство.

Во вступленіи къ настоящей статьѣ мы намѣтили, какіе отцѣлы книги Данилевскаго будутъ, главнымъ образомъ, подвергнуты нами разбору, да и въ нихъ пришлось обратить вниманіе преимущественно на самыя основныя теоріи. Разбирать такъ же подробно всю книгу, какъ были разобраны многія ея страницы, мы не имѣемъ ни времени, ни охоты. Дѣло въ томъ, что у Данилевскаго рядомъ съ отвлеченными разсужденіями объ исторіи вообще мы находимъ еще общія характеристики дѣйствительной исторіи отдѣльных народовъ и даже всего человѣчества, — характеристики, не сведенныя въ систему, но, тѣмъ не менѣе, представляющія изъ себя цѣлую философію исторіи. Вотъ ихъ-то и было бы слишкомъ долго разбирать въ подробностяхъ, а потому и здѣсь мы остановимся только на главномъ.

Что *тутъ* главное, на это указываетъ намъ издатель книги, г. Страховъ, который въ концѣ своего предисловія говоритъ слѣдующее: «Вся теорія Н. Я. Данилевскаго можетъ быть разсматриваема какъ нѣкоторая попытка объяснить *положеніе славянскаго міра въ исторіи*, — эту загадку, аномалію, эпициклъ для каждаго европейскаго историка. Въ силу того исключительнаго положенія среди другихъ народовъ, которому въ исторіи нѣтъ вполне равнаго примѣра, славянамъ суждено измѣнить укоренившіеся въ Европѣ взгляды на науку исторіи, — взгляды, подъ которые никакъ не можетъ подойти славянскій міръ». Объ этомъ-то и поговоримъ теперь.

Передавая мысли Данилевскаго, намъ постоянно приходится наталкиваться на противорѣчія. Отрицая въ принципѣ общую исторію культурныхъ типовъ, а вмѣстѣ съ нею и всякое историческое построеніе, въ которомъ отдѣльные типы играли бы роль особыхъ моментовъ развитія, авторъ *Россіи и Европы* не примѣняетъ этого своего принципа къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи. На двухъ послѣднихъ страницахъ его книги мы читаемъ: «Главный потокъ всемірной исторіи начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила. Одинъ, небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царьградъ достигаетъ, въ невозмущенной чистотѣ, до Кіева и Москвы; другой, земной, человѣческій, въ свою очередь дробящійся на два главные русла культуры и политики, течетъ мимо Аѳинъ, Але-

Александріи, Рима, въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На Русской землѣ пробивается новый ключъ справедливо обезпечивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ». Вотъ вамъ и отрицаемая Данилевскимъ общая исторія нѣсколькихъ типовъ — египетскаго, еврейскаго, греческаго, римскаго, романо-германскаго и славянскаго: единство въ началѣ («берега Нила») и единство въ концѣ («равнины славянства»), въ серединѣ двѣ линіи, изъ коихъ одна есть «небесное» начало, проходящее черезъ исторію евреевъ («Іерусалимъ»), Византійской имперіи («Царьградъ») и Россіи («Кіевъ и Москва»), а другая — «земная», объединяющая исторіи грековъ («Аѣины и Александрія»), римлянъ («Римъ») и «странъ Европы». Въ этой схемѣ типы ставятся одесную и ошую, и одинъ и тотъ же типъ (греческій) оказывается разодраннымъ пополамъ между небеснымъ («Царьградъ») и земнымъ («Аѣины и Александрія») потоками всемірной исторіи, если только не согласиться съ Данилевскимъ, что Византійская имперія «никогда не была греческою въ этнографическомъ смыслѣ этого слова», какъ онъ утверждаетъ на стр. 402.

По такому представленію хода «всемірной исторіи» (самъ Данилевскій употребляетъ это слово, хотя и неточно) Россія является преемницей Византіи, «Европа» (т. е. Западъ) — преемницей Рима. Авторъ не объясняетъ намъ, подъ какой способъ распространенія цивилизаціи (пересадки, прививки или удобренія) подходятъ оба эти преемства вообще или каждое изъ нихъ въ отдельности. Въ главѣ XII (о восточномъ вопросѣ) Данилевскій проповѣдуетъ уже теорію историческихъ наслѣдій, по которой отдельные типы продолжаютъ работу, начатую другими типами. «Великія историческія мысли не пропадаютъ, — говоритъ здѣсь авторъ. — Если человѣкъ, употребляя данную ему долю свободы несоотвѣтственно съ общимъ, непонятнымъ ему историческимъ планомъ событій, начертаннымъ рукою Промысла, можетъ замедлить его выполненіе и временно исказить его линіи, — планъ этотъ, все-таки, довершается, хотя и иными, болѣе окольными путями... И Римъ, и Византія уже изжили свои творческія силы и должны были передать свое наслѣдіе (Данилевскій, конечно, разумѣетъ здѣсь «великія историческія мысли») новымъ народамъ. Наслѣдниками Рима явились германцы, наслѣдниками Византіи — славяне; и въ этихъ народахъ должна была ожить вѣковая борьба, которая велась всякимъ «оружіемъ между Греціею и Римомъ» (стр. 333). Въ послѣдней схемѣ Византія является преемницей Греціи (по крайней мѣрѣ, Македоніи), тогда какъ по схемѣ, данной въ концѣ книги, Царьградъ непосредственно связанъ съ Іерусалимомъ. Такимъ образомъ, и въ своей схемѣ «всемірной исторіи» Данилевскій колеблется, перетасовывая типы, народы, эпохи и потоки, смотря по надобности: когда намъ нужно быть наслѣдниками небеснаго начала, Данилевскій обязательно приводитъ насъ черезъ Царьградъ прямо въ Іерусалимъ, минуя Грецію съ ея земнымъ началомъ; но лишь рѣчь заходитъ о восточномъ вопросѣ, который могъ бы

быть сфрѣшенъ въ справедливомъ и истинно полезномъ для человѣчества смыслѣ, чуть ли не Филиппомъ Македонскимъ (стр. 332), авторъ приводитъ насъ къ Греціи. Кстати, въ только что приведенныхъ словахъ онъ признаетъ возможность пользы для всего человѣчества, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ (гдѣ это нужно) признается имъ существованіе только типовыхъ интересовъ, а интересъ человѣчества предоставляется вѣдѣнію одного Бога (стр. 108—109).

Данилевскому поставили въ заслугу то, что онъ отвергъ единую нить въ исторіи человѣчества. Если бы авторъ *Россіи и Европы* былъ послѣдователенъ, то онъ долженъ былъ бы сказать, что каждый типъ развивается и живетъ особо и что общей исторіи нѣтъ, и затѣмъ уже не отступать отъ этого принципа, но именно непоследовательность лежитъ въ самой основѣ его книги. Данилевскому хочется охранить славянскую самобытность отъ «Европы» и разрѣшить восточный вопросъ въ пользу славянскаго типа: ради первой цѣли онъ готовъ превратить культурные типы чуть не въ подобіе животныхъ породъ, свойства коихъ отъ одной къ другой не передаются, ради второй цѣли онъ македонскую, византійскую и русскую исторію сливаетъ въ одно цѣлое и всей вообще исторіи приписываетъ имъ самимъ придуманный планъ, которому и придаетъ провиденціальное значеніе (стр. 334 и слѣд.), словно вся исторія клонится только къ благополучному разрѣшенію восточнаго вопроса. Напр., по его мнѣнію, «общая идея, существенный смыслъ магометанства заключается въ той невольной и безсознательной услугѣ, которую оно оказало православію и славянству, оградивъ первое отъ напора латинства, спасши второе отъ поглощенія его романо-германствомъ, въ то время какъ прямые и естественные защитники ихъ лежали на одрѣ дряхлости или въ пеленкахъ дѣтства» (стр. 343). «Съ возникновеніемъ самобытной славянской силы турецкое владычество потеряло всякій смыслъ, магометанство окончило свою роль. Царство Филиппа (Македонскаго) и Константина (Великаго) воскресло на обширныхъ равнинахъ Россіи» (стр. 348). И такъ, Провидѣніе имѣетъ извѣстный планъ въ веденіи судебъ человѣчества, и Данилевскій раскрываетъ этотъ планъ, а ему ставится въ заслугу отверженіе имъ единой (т.-е. общей) нити исторіи. До какой степени Данилевскій способенъ забывать то, что только что самъ сказалъ, покажетъ, кстати, сравненіе двухъ мѣстъ изъ главы о восточномъ вопросѣ.

Стр. 340. Утверждаютъ, что магометанство составляетъ форму религіознаго сознанія, хотя и уступающую высотой своего ученія христіанству, но, за то лучше приспособленную къ одареннымъ пылкими страстями народамъ Востока. Не останавливаясь на томъ, что такое понятіе несообразно съ достоинствомъ христіанства (которое или такое же заблужденіе, какъ и прочія вѣрованія человѣчества, или имѣетъ характеръ истинны вселенской, применимой ко всемъ народамъ), мы видимъ, что такому взгляду противорѣчитъ исторія.

Стр. 341. Главнымъ поприщемъ жизни и дѣятельности магометанства были не страны, населенныя язычниками, для которыхъ ученіе Христова было бы слишкомъ высоко.

Мы не станемъ разбирать тѣхъ мѣстъ книги, гдѣ Данилевскій старается доказать превосходство славянъ, въ прошедшемъ, настоящемъ или только въ будущемъ, надъ иными народами (см. особенно главы VIII — о различіяхъ въ психологическомъ строѣ, IX — о различіи въ религіозномъ, X — о различіяхъ въ ходѣ историческаго воспитанія, XVII — о славянскомъ культурно-историческомъ типѣ); здѣсь господствуетъ произвольный субъективизмъ пристрастія, превращающій науку въ публицистику, и съ этой стороны книга Данилевскаго не разъ разбиралась. Но вотъ на чемъ слѣдуетъ еще остановиться. Мы сейчасъ только видѣли, что Данилевскій своею теоріей типовъ хочетъ оградить самобытность Россіи (славяне + греки и румыны тожъ) отъ общечеловѣческой цивилизаціи и что своимъ построеніемъ всемірной исторіи, наоборотъ, Россіи онъ навязываетъ нѣкоторую миссію, которая ей достается, по его представленію, отъ Греціи, Македоніи, Византіи, т.-е. смотря по тому, откуда идетъ къ намъ нѣчто не нами начатое, оно объявляется или общечеловѣческимъ, т.-е. бессмысленнымъ и вреднымъ, или нашимъ кровнымъ дѣломъ, законно доставшимся намъ по наслѣдству: западная цивилизація или восточная традиція суть или одинаково, если можно такъ выразиться, общечеловѣчны (въ условномъ только смыслѣ), а *потому* (по логикѣ Данилевскаго) намъ чужды; или одинаково общечеловѣчны и потому (по обыкновенной логикѣ) способны быть нами восприняты. Почему же Данилевскій одно называетъ общечеловѣческимъ въ дурномъ, съ его точки зрѣнія, смыслѣ, прямо иногда отрицая даже его реальное существованіе и, во всякомъ случаѣ, не совѣтуя его заимствовать, а другое такое же, не нами же выработанное и, притомъ, общее многимъ народамъ, не только не относитъ къ этой категоріи, хотя и придаетъ ему характеръ вселенскости, но даже дѣлаетъ нашимъ достоинствомъ *rag excellence*?

Теорія культурно-историческихъ типовъ, лежащая въ основѣ научной стороны *Россіи и Европы*, вся разсчитана на то, чтобы быть научною основой нашего обособленія отъ «Европы», которая, главнымъ образомъ, и является у Данилевскаго представительницей начала «общечеловѣчности» (стр. 462 и слѣд.). Въ параллель съ этимъ идутъ указанія на то, что Европа насъ ненавидитъ (стр. 20 и слѣд.), не понимаетъ (стр. 49, 62 и слѣд.), не признаетъ насъ своими (стр. 50); что, съ другой стороны, Россія не принадлежитъ, не можетъ и не должна принадлежать къ Европѣ (стр. 60, 432 и др.), что Россія должно бороться съ Европой (стр. 472), что, наконецъ, во всемъ мы и европейцы — полная противоположность (см. главы VIII, X и XVII). Съ точки зрѣнія того обособленія культурно-историческихъ типовъ, которое принимаетъ Данилевскій за основную идею своей исторической теоріи, все это весьма логично, но въ такомъ случаѣ нужно было уже быть логичнымъ до конца и такъ же обособить славянскій (или, вѣрнѣе, славяно-греко-румынскій) типъ и, съ другой стороны, нужно было бы доказывать, что всѣ культурныя особенности и историческія задачи этого типа вытекаютъ изъ однихъ свойствъ племени, т.-е. вполне само-

бытны. Но тутъ-то Данилевскій и допускаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ отклоненія отъ основъ своей теоріи: тутъ именно на первый планъ выдвигаются историческое преемство, передача религіознаго и политическаго наслѣдія отъ Іерусалима и Македоніи—черезъ Царьградъ—Кіеву и Москвѣ, и славянскій типъ входитъ звеномъ въ нѣчто имѣющее одинаковое право съ западно-европейскимъ на названіе общечеловѣческаго (конечно, въ условномъ смыслѣ). На нашъ взглядъ, противорѣчіе объясняется просто: для такого опредѣленія отношеній Россіи къ Востоку и Западу у Данилевскаго были свои субъективныя основанія, но онъ хотѣлъ придать имъ значеніе основаній объективныхъ: теорія культурно-историческихъ типовъ, не лишняя, конечно, многихъ вѣрныхъ мыслей, выдвигается какъ аргументъ противъ нашего сближенія съ Европой, но при этомъ забывается, что тотъ же самый аргументъ могъ бы быть съ такимъ же правомъ употребленъ противъ всякихъ наслѣдій, полученныхъ нами отъ предшествовавшихъ культурно-историческихъ типовъ, и съ точки зрѣнія теоріи это было бы столько же логично, сколько и неосновательно съ точки зрѣнія исторической науки, признающей фактъ постепеннаго приобщенія болѣе молодыхъ народовъ къ болѣе старымъ цивилизаціямъ. И самому Данилевскому не удалось доказать непередаваемости началъ цивилизаціи (стр. 95): начавши доказывать одно (именно эту непередаваемость), онъ сталъ доказывать нѣчто другое, заключающее въ себѣ уже отрицаніе того, что доказывалось раньше (это другое—вредъ заимствованій, признанныхъ тутъ уже возможными); но, примѣняя послѣднее къ нашимъ заимствованіямъ у Европы, рассматривая европейничанье какъ болѣзнь русской жизни (стр. 283 и слѣд.), по отношенію къ древнимъ періодамъ нашей исторіи онъ забываетъ оба тезиса, т.-е. и тезисъ о непередаваемости, и тезисъ о вредѣ заимствованій. Или и европейское вліяніе въ новой русской исторіи, и византійское вліяніе въ древней одинаково были гибельны для славянской самобытности, или каждое изъ нихъ, въ свое время обогативъ славянскій типъ новыми цивилизаціонными началами, самобытности нашей существеннымъ образомъ не нарушило, причемъ въ обоихъ были и полезная, и вредная для насъ стороны.

На этомъ мы и покончимъ съ разборомъ собственно исторической теоріи Данилевскаго, не касаясь другихъ сторонъ его книги. Общій выводъ предоставляемъ сдѣлать на основаніи этого разбора читателю. Мы высказали здѣсь только свои мысли о нѣкоторыхъ мысляхъ Данилевскаго, а не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ трактуетъ: о послѣднихъ, между прочимъ, намъ уже пришлось высказаться раньше «по случайному поводу, но не по случайной причинѣ» въ статьѣ подъ заглавіемъ *Мечта и правда о русской наукѣ* (*Русская Мысль* 1884 г., кн. XII, стр. 100—135). Ссылкою на нее и позволимъ себѣ окончить свой разборъ «теоріи культурно-историческихъ типовъ».

Н. Карѣвъ.